

Собирание земель или воссоединение людей? ГЕОПОЛИТКА И БИОВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОСЕДСТВА

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 367
Июль 2015

Андрей Макарычев
Университет Тарту (Эстония)

Пост-советские страны обычно рассматривают политику Российской Федерации (РФ) по отношению к ним через геополитическую призму, как пример региональной державы, борющейся за контроль за соседними территориями. Но это только часть общей картины., поскольку подходы РФ к так называемому "ближнему зарубежью", помимо желания владеть территориями, включают в себя биополитическое измерение в виде управленческих практик, нацеленных на население. Это различие между двумя элементами российской стратегии хорошо иллюстрируется сравнением между *евразийством* как набором геополитических идей, в фокусе которых находится обладание территориями, и "*русским миром*" как биополитической доктриной защиты воображаемого трансграничного сообщества, предположительно обладающего общей идентичностью.

В отличие от внешнеполитических реалистов, я полагаю, что евразийство и "русский мир" как стратегии соседства возникли за пределами государства, и многие их протагонисты предпочитают сохранять определенную дистанцию в отношении Кремля как локуса власти. В своем анализе я покажу практические следствия биополитических и геополитических подходов, концептуальные различия между ними и зоны взаимного притяжения. Я также выскажусь по поводу того, как связка между биополитикой и геополитикой может быть применена для объяснения нынешнего кризиса в российско-украинских отношениях.

Геополитика плюс биополитика

Геополитика и биополитика являются двумя ключевыми элементами политики РФ в отношении своих соседей. С одной стороны, пост-советские элиты склонны считать все идеологии дискредитированными и избыточными, что и предопределило их критическое отношение к любым идеологемам. С другой стороны, российская власть осознает необходимость базирования своей политики соседства на неких "естественных", "объективных", "натуральных", "неоспариваемых" принципах. "Цивилизационная геополитика" (которая трактует Россию как страну с естественной сферой влияния) и биополитика (которая делает акцент на установлении отношений "семейного"

типа с живущими за пределами РФ "соотечественниками") стали двумя важнейшими - на первый взгляд, неидеологическими, но весьма устойчивыми - компонентами реинтеграционной стратегии Москвы.

При всех различиях между этими компонентами, оба концептуально основываются на представлении о неполноте и несамодостаточности РФ как государства, и о возможности материализации идеи о "настоящей России", которая должна простираться за пределы РФ. При этом геополитика и биополитика могут пересекаться, что хорошо иллюстрируется аннексией Крыма и поддержкой России сепаратистов в восточной Украине под лозунгами "русского мира". Но по большинству своих политических оснований они существенно отличаются друг от друга.

Геополитика евразийства

Основные геополитические варианты российской политики соседства характеризуются, по крайней мере, четырьмя общими чертами. Во-первых, они носят антилиберальный характер, что обеспечивает им популярность среди консервативной и левой части политического спектра. Во-вторых, их общий знаменатель - подвижность и трансформативность нынешних границ РФ, которые для евразийцев являются скорее гибкими фронтами, чем строго фиксируемыми линии раздела между внутренним и внешним. В-третьих, геополитические мыслители согласны с тем, что самоидентификация России с Европой влечет за собой большие политические издержки в виде подчинения РФ доминирующему нормативному дискурсу ЕС. В-четвертых, многие из них считают, что единственной альтернативой сферам влияния в Европе является военная конфронтация.

Несмотря на эти общие моменты, евразийские идеи развиваются в двух различных концептуальных рамках. Первая может быть названа нормативно-идеологической и представлена анти-универсалистской доктриной Александра Дугина, направленной на деконструкцию западной гегемонии. Она содержит в себе определенные пост-колониальные нотки (через интерпретацию России как державы, которая исторически была вынуждена подчиняться имперской воле евро-атлантических сил) и во многом близка критике Запада слева как цивилизации, история которой содержит в себе культурное отчуждение Других. Дугинская геополитика, тем не менее, не обязательно центрирована на государственном суверенитете: его главными референтными точками являются цивилизации, а не национальные государства.

Несколько иного взгляда придерживаются российские сторонники геоэкономической логики. Для них ЕС - это колониальная сила, действия которой выходят за пределы экономической рациональности, в то время как Россия отдает предпочтение именно прагматическим аргументам перед политическими и идеологическими. Президентский советник Сергей Глазьев высказался в том смысле, что ЕС лишает своих партнеров суверенитета, в то время как РФ, наоборот, поддерживает суверенные качества своих соседей. Для Глазьева евразийская интеграция представляет собой попытку оспорить доминирование евро-атлантических институтов посредством формирования собственного блока лояльных стран и параллельной серии геополитических контр-шагов в виде установления экономически приоритетных отношений с такими проблемными членами ЕС, как Греция, Кипр или Венгрия с тем, чтобы вывести их из орбиты европейской интеграции.

Биополитика и генеалогия русского мира

Биополитический дискурс - даже если он представлен другими, менее академическими терминами - предлагает свой язык пост-советской интеграции. Благодаря его усилиям формируется платформа, реинтегрирующая русскоязычные сообщества с Россией. Наиболее яркой метафорой при этом является "семья", при всех ее имперских и советских коннотациях. С этой точки зрения распад Советского Союза может быть скорее назван биополитической, чем геополитической катастрофой, поскольку в 1991 году русские превратились в разделенный народ.

Биополитика как концепт намного шире, чем этнополитика. Например, Русская православная церковь (РПЦ), имеющая существенное влияние на сферу биополитики, отрицает, что этничность является ключевым фактором, определяющим принадлежность к "русскому миру". Вячеслав Никонов, глава установленного в 2007 году фонда "Русский мир", описал этот концепт как транс-этнический, поскольку членами "русского мира" могут быть украинцы, белорусы, или евреи. Биополитическая сущность этого "мира" ярко проступает в его тезисе о том, что "надо собирать людей, а не территории". Подчеркивая "объективный" и якобы нейтральный характер "русского мира", Никонов утверждал, что в его основе лежит справедливость и правда, а не национальная принадлежность.

Биополитическая логика содержит в себе сильные негосударственные элементы. За пределами государства - хотя в непосредственной близости к нему - идеи "русского мира" получили распространение в их технократической (Петр Щедровицкий, Сергей Чернышов, Сергей Градировский) и религиозной (РПЦ) трактовках.

Технократическая версия биополитики, популярная в 1990е годы среди либеральной части политического сообщества, была тесно сопряжена с идеями космополитизма и миро-системной теорией. "Русский мир" был вписан в глобальную тенденцию постепенного появления пост-национальных и территориально дисперсных форм управления. В этой системе рассуждения, "русский мир" - это глобальный по своему масштабу мега-проект воссоздания контактов между русской диаспорой и РФ, что хорошо вписывается в картину глобализирующегося мира транс-граничной мобильности и сетевой коммуникации.

Сторонники этого подхода не верят в беспроблемное подсоединение России к глобальному миру, который для них выглядит чрезвычайно конкурентным и неблагоприятным в отношении РФ. С их точки зрения, крупнейшие страны никогда не примут Россию в качестве равного себе партнера. Такая уверенность способствует постоянному воспроизводству бинарной логики: "мы" против "них". Многие авторы добавляют к этому, что Россия была лишена своей "аутентичности" как во времена СССР, так и после его распада. Поскольку, по их мнению, Запад постоянно совершенствует свои инструменты влияния, Россия нуждается в защите своей "естественной среды" обитания.

Это объясняет, почему даже в рамках технократического нарратива концепция "русского мира" приобретает имперские черты. В 1990е годы адвокаты рассматриваемой позиции были меньше озабочены строительством современного национального государства, чем возвращением к некому "настоящему" состоянию коллективной русской идентичности, альтернативной Западу.

Тем не менее, технократическая версия "русского мира" не предполагала территориальной экспансии. Скорее, она развивалась в рамках идеи "культурного империализма". Соответственно,

будущие конфликты ожидалось по поводу не территорий, а влияния на большие группы людей через коммуникацию и укрепление человеческого капитала. Такой взгляд придал концепции "русского мира" гуманитарное измерение и превратил ее в элемент "мягкой силы", производящей привлекательную "картину будущего".

Религиозная версия "русского мира" сформировалась на базе РПЦ, которая утверждает, что границы этого "мира" совпадают с каноническими границами самой церкви. Географически они охватывают Россию, Украину и Беларусь, иногда Молдова и Казахстан упоминаются в этом же ряду. Согласно религиозному взгляду, "настоящая Россия" ("святая Русь") по своему масштабу превосходит РФ и выходит за ее пределы.

В отличие от секулярных подходов, религиозный дискурс исходит из того, что контуры и смысл "русского мира" определяются не языком, а православной верой. РПЦ также критично относится к характеристике этого "мира" как транс-этнического сообщества, полагая, что русские являются "супер-этносом", который вбирает в себя отдельные этнические группы как внутри России, так и за ее пределами. Наконец, РПЦ не согласна с тезисом о поли-конфессиональной природе "русского мира", настаивая на том, что ее ядром является православие. Это объясняет, почему мусульманское сообщество России часто является источником критики идеи "русского мира". В частности, Дамир Мухетдинов, заместитель главы Духовного управления мусульман России, назвал ее прото-идеологией, конституционность которой сомнительна и которая вызывает чувство дискомфорта у мусульман.

Что касается понимания биополитики *государством*, то его линия поведения в отношении соседей включает в себя "биополитическую заботу" о различных социальных группах - живущих за пределами РФ пенсионерах и ветеранах Великой Отечественной войны, мигрантах из дружеских стран (например, из Армении), которые получили равные права с точки зрения трудоустройства в РФ, абитуриентах из восточной Украины, которые принимаются в российские вузы на равных основаниях, и т.д. В то же время биополитическая стратегия распространяется на фактическое включение в состав коллективного "тела" российской нации жителей Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья через политику паспортизации.

Во всех этих случаях стратегии биовласти так или иначе переопределяют существующие границы и, соответственно, играют политическую роль, даже если таковая отрицается на словах. Именно биополитические границы определяют динамику процессов инклюзии и эксклюзии, то есть (символического) включения и исключения из "коллективного тела" нации тех или иных групп населения. Это имеет прямое отношение к политике соседства, объясняя, почему одни страны (Украина) в системе приоритетов РФ приобретают экзистенциальный статус, в то время как другие перестают играть существенную роль (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Грузия). К этому следует добавить, что прямая поддержка сепаратизма в Украине, осуществленная под лозунгами "русского мира", может негативно повлиять на реализацию проекта евразийской интеграции, подтверждением чему является усилившийся скептицизм в отношении политики России в Минске и Астане.

Кризис в российско-украинских отношениях: геополитика и биовласть

Территориальная политика может трансформироваться в биополитику, и наоборот. Это

продемонстрировала война в Украине: биополитика "русского мира" оказалась интегрирована в геополитику захвата территории силовым путем.

Слияние гуманитарных соображений и приобретения земель выявило мощный принудительный элемент биополитики, корни которого следует искать в представлении Кремля о том, что на определенном этапе идея "русского мира" включает в себя необходимость выбора между вхождением в него и выходом (или дистанцированием) от него. Проекция этой бинарной логики ("или - или") на Украину привела к вооруженному конфликту и к последующей трансформации заботы о людях в легитимацию массовых жертв на территориях, которые сепаратисты считают "своими". Этот насильственный компонент биополитики хорошо иллюстрируется словами вице-премьера Дмитрия Рогозина о том, что "гражданская война порождает людей с гражданской позицией".

Кризис, разворачивающийся в Украине, вызвал резкую политизацию как биополитических, так и геополитических дискурсов. В сфере биополитики этот сдвиг подтверждается движением фонда "Русский мир" от имитации западной модели функционирования подобных организаций (Институты Гете и Сервантеса, Британский Совет и пр.) в сторону занятия политической позиции о возможности признания независимости сепаратистских регионов Украины. Вячеслав Никонов отошел от своей предыдущей характеристики Украины как сформировавшегося независимого государства в пользу провокационных обвинений украинского правительства в убийстве собственных граждан, а ЕвроМайдана - в объявлении войны России. Эта эволюция наглядно показывает, насколько велики возможности радикализации и секьюритизации идеи "русского мира".

То же касается и геополитики. События в Украине привели к занятию сторонниками евразийской доктрины более радикальных позиций. Например, Михаил Делягин заявил об "очевидном провале политики РФ в отношении Украины", который выразился в коммуникации Кремля с "нацистским режимом в Киеве" и в его признании. Александр Дугин поддержал аннексию Крыма, но резко раскритиковал Владимира Путина за нерешительность в дальнейшем применении силы в "Новороссии". Дугин определил вызов, стоящий перед президентом России, как переход от модели развития по принципу "государства - корпорации" к "государству - цивилизации", цель которого будет определяться не в экономических, а в политических категориях силового подавления глобальной гегемонии Запада. Война в этой системе рассуждений является одним из потенциальных инструментов достижения этой супер-цели.

В то же время религиозный взгляд на "русский мир", который многие аналитики склонны полностью идентифицировать с политикой государства, содержит в себе несколько иную динамику. Анализ официального дискурса РПЦ показывает, что ее представители расценивают конфликт между Россией и Украиной как трагически "непостижимый" и требующий молитв за скорейшее прекращение братоубийственного кровопролития. Символическое отсутствие патриарха Кирилла на церемонии включения Крыма в состав России может быть прочитано как знак его косвенного несогласия в том, как идеи "русского мира" реализуются на практике. РПЦ публично заявила о том, что не занимает позицию поддержки одной из сторон конфликта; более того, в послании президенту Петру Порошенко Кирилл охарактеризовал Украину как наследницу и защитницу традиций князя Владимира, крестителя Руси, и засвидетельствовал, что во время своих поездок в Украину увидел, как бережно там сохраняются христианские традиции. Этот дискурс существенно отличается от инвектив тех поборников "русского мира", кто обвиняет

правительство П.Порошенко в пособничестве неофашистам. Соответственно, для доминирующего в РПЦ нарратива Украина - не отклонение от религиозных традиций православия, а одно из их воплощений. В то же время в контексте своих рассуждений об Украине патриарх Кирилл упоминал о необходимости сохранения единства самой России, что опять-таки можно трактовать как скрытое сомнение в необходимости дальнейшего территориального расширения РФ.

Однако РПЦ в итоге не смогла избежать соблазна политизации. Причины конфликта, разворачивающегося в Украине, церковь видит в деятельности греко-католиков на западе страны, которые разжигают межэтнические распри, результатом чего, якобы, и стал ЕвроМайдан. Обвиняя Греко-Католическую церковь в пособничестве нацистской Германии, РПЦ, по сути, воспроизводит гегемонистский дискурс Кремля. То же самое касается попыток вписать ЕвроМайдан в череду насильственных попыток искусственной дестабилизации режимов в странах бывшего СССР и на Ближнем Востоке, что представляет собой классический пример логики политизации через выстраивание серии эквивалентностей.

Заключение

Политика РФ в отношении соседей представляет собой смесь евразийства и идей "русского мира". Эта комбинация включает в спектр инструментов, которые могут быть использованы Москвой для реинтеграции пост-советского пространства, биополитические механизмы управления и надзора над населением (через его защиту от мнимых или реальных угроз) и геополитические стратегии контроля за территориями. Проблема, ярко высвеченная кризисом в украинско-российских отношениях, состоит в том, что оба элемента российской политики легко радикализируются и милитаризируются. Геополитическая логика легко эволюционирует от дискуссии о ресурсах и возможностях России в "ближнем зарубежье" в сторону принятия допустимости и возможности военных действий против соседей. Биополитика, в свою очередь, сдвигается от защиты языковых прав русскоязычных групп в сторону насильственного восстановления и насаждения "семейной" модели имперского союза. После аннексии Крыма стало ясно, что именно комбинация геополитических и биополитических инструментов будет определять пересмотр Россией роли и статуса пост-советских границ, что неизбежно провоцирует опасности и риски для всего евро-атлантического региона.

**Elliott School of
International Affairs**
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org